

гов. и показав. Москва, 1985
сент. 28

ПОЕТ ВИРГИЛИУС НОРЕЙКА

У него были замечательные наставники — в музыкальной школе, где случайно или нет юный музыкант заинтересовался сразу двумя профессиями — игрой на трубе и дирижированием, и в училище, где он продолжал совершенствовать эти специальности, и в консерватории, уже на вокальном факультете — занимался он у выдающегося литовского певца К. Петраускаса, младшего современника и партнера Ф. И. Шаляпина. Конечно, все, чем учитель был наполнен от общения с великим русским басом, он старался передать своему даровитому ученику. Главное же — приучить смолodu к труду. Потом были первоклассные учителя прославленного «Ла Скала» — Э. Пьяцца и Д. Барра. В. Норейка с 1965 года проходил стажировку в Милане. И настолько успешно, что тогдашний художественный руководитель театра маэстро Сичилиани на второй год занятий решил пригласить молодого певца дебютировать в партии Пинкертона («Чю-Чю-Сан»). Так Норейка стал первым советским тенором, выступившим в спектакле «Ла Скала».

Но про этого учителя и теперь не скажешь: был. Он есть всегда — Литва. Его родина. Край девственных озер, гулких лесных кордонов, край песен, легенд, сказок, что, кажется, живут в каждом литовском камне, в каждом дереве, в самом воздухе отечества.

Устав от городских забот и ритмов (а их у Виргилиуса Норейки прибавилось: возложил он на свои плечи обязанности художественного руководителя и директора Литовского театра оперы и балета), он спешит глотнуть чистого воздуха литовских весей, вслушаться в чудесные крестьянские напевы, окунуться в мир дайны — народной литовской песни. Возвращается певец, по его словам, «рожденный заново». И по горячему следу спешит поделиться всем этим с людьми. Срочно налаживаются репетиции с известным ансамблем «Сутартине». И так певец подготавливал целые фольклорные

программы. А потом, в разгар «академических» камерных выступлений в нашей ли стране, за рубежом, он обязательно включает три-четыре литовские народные песни и поет их столь же успешно, что и классические романсы.

И еще, пожалуй, «вечным учителем» он, как истинный литовец, почитает гениального музыканта, художника и поэта Микалоюса - Константинаса Чюрлениса. Поэтичнейшие притчи его — настольная книга певца, мысли его о красоте и вдохновении, живописнейшие симфонические поэмы и картины, звучащие всеми цветами и линиями, — спутники Виргилиуса по жизни и творчеству. Как-то певец признался: «Чюрленис вселяет в каждого из нас особое ощущение красоты — как, говоря его же словами, поразительной гармонии, которую ничто не может замутить. Бедь все существует как прекрасное сочетание красок, как звучание дивного аккорда». Или вот эта мысль его великого соотечественника. Ее певец ценит безмерно, ей старается следовать в жизни, в творчестве: «Жить, широко раскрыв глаза на все, что прекрасно... Забыть, откуда и куда идешь, как тебя зовут, и смотреть глазами ребенка».

О голосе и репертуаре певца скажем кратко. Лирический тенор Норейки — крепкий, подчас драматически рельефный, с напором, теплый по окраске, серебристый — столь индивидуален, столь характерно очерчен, что его не спутаешь ни с каким другим. Это очень важно. Это говорит не только о качестве голосового аппарата, но и о глубине и цельности внутреннего мира артиста. А склонности певца на оперной сцене, концертной эстраде? Ему в равной мере под силу и русская классика, и итальянский репертуар, и музыка современная — советских авторов, в том числе и литовских (это и оперы «Даля» Дварюнаса, и «Вайва», «Дочь» Кловы, и «Заблудившиеся птицы» Лаурушаса)...

В. ГУСАРОВ
Фото А. Левина